

Т. В. Цвигун

ОДНАЖДЫ В НАРРАТИВАХ Д. ХАРМСА

Наречие «однажды» рассматривается как элемент «нарративного синтаксиса» прозы Д. Хармса. Исследуется его роль в создании нарративного пространства в текстах экспериментального типа.

This article considers the adverb odnazhdy as an element of “narrative syntax” of D. Kharms’s prose. The author analyses its role in the creation of narrative space in the texts of experimental type.

Ключевые слова: нарративный анализ, грамматика прозы, русский авангард, Д. Хармс.

Key words: narrative analysis, grammar of prose, Russian avant-garde, D. Kharms.

В числе проблем современной нарративной теории, которые нуждаются в осмыслении, особое место занимает вопрос о единицах, которые по аналогии с введенным В. В. Виноградовым понятием «частицы речи» можно было бы назвать «частичами нарратива». Причем заметим, этот класс слов следует выделять не столько по грамматической природе, сколько по его нарративной функции. Будучи по преимуществу элементами нарративного синтаксиса, «частицы нарратива» определяют план рассказывания истории, сообщают ему формульный характер, обеспечивают узнаваемость речевого жанра. Этот класс грамматически разнороден: при включении нарративного режима речи привычным грамматическим категориям сообщается новая функция, объединяющая глаголы (*жили-были* и др.), наречия (*однажды, внезапно, опять, наконец* и др.), собственно частицы (*вот, тут* и др.), союзы (*и, а, но* и др.) — все то множество элементов, которые инициируют повест-

вание, задают его рамку (начало и конец), скрепляют нарративные блоки, переключают повествовательные регистры и т.п. В ряде случаев «частицы нарратива» способны перерастать свою сугубо инструментальную, строевую функцию и становиться значимыми идиостилевыми метками и даже элементами авторской картины мира — таково, например, знаменитое *вдруг* Ф.М. Достоевского, нарративная роль которого была описана В.Н. Топоровым [6].

Для художественного мира Д. Хармса с его конфликтной грамматикой, обилием нарративных девиаций, тематизацией начала и конца вопрос о «частях нарратива» приобретает особое звучание. Ранее мы обращались к описанию ряда особенностей нарративного синтаксиса Хармса, что нашло отражение в серии работ о роли союзов [8] и наречий [9] в хармсовских нарративах. Безусловно, говорить о построении целостной системы нарративных операторов в прозе Хармса пока рано — сам класс «нарративных частиц» еще до конца не проблематизирован и четко не обозначен. Предлагаемый материал представляет собой совокупность отдельных наблюдений о нарративной роли наречия *однажды*, которое привлекает внимание не столько своими стандартными характеристиками (само по себе *однажды* — более чем традиционный нарративный зачин), сколько регулярными случаями отклонения от норм нарративного синтаксиса, попаданием в необычные грамматические контексты, а в итоге — потенциями к формированию уникальной поэтики, значимым маркером которой становится исключительная роль «частей нарратива».

Толковые словари определяют для *однажды* достаточно узкий и специализированный семантический объем: это значения «один раз» и «как-то раз, когда-то» [3, с. 443; 5, с. 593]; «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой дополняет его значением «когда-либо» [1]. В своем нарративном значении (которое, безусловно, надстраивается над языковым) *однажды* является инициальным средством нарративного синтаксиса: в художественном тексте оно предидирует событие, если понимать его вслед за Ю.М. Лотманом как «революционный элемент», слом семантической среды [2, с. 228], это маркер начала, зачина истории. Причем очень важно, что в литературном нарративе *однажды* предидирует событие уже состоявшееся, которое было начато и завершено в прошлом; будучи элементом нарративного режима речи (см. [4]), *однажды* может употребляться исключительно в микроконтекстах с глаголами прошедшего времени: «*Однажды* играли в карты у конногвардейца Нарумова...» (А.С. Пушкин. Пиковая дама).

Любопытно, что именно в таком своем нарративном значении *однажды* как идиостилевой маркер прозы Хармса опознается в «Анекдотах из жизни Пушкина»:

Пушкин был поэтом и все что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: «Да никак ты писака!»

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски просто Жуковым [7, с. 846]¹.

¹ Во всех случаях при цитировании сохранены орфография и пунктуация оригинала, подчеркивания наши. — Т.Ц.

Употребленное в микроконтексте с глаголами прошедшего времени в результативном значении (*застал, воскликнул, полюбил*), *однажды* вводит для говорящего состоявшееся событие (степень его верифицируемости здесь не так важна), характерный для анекдотических историй случай — ведь для Жуковского встреча с Пушкиным-«писакой» оборачивается переименованием. *Однажды* как интродуктивный зачин становится здесь той границей, которая отделяет хармсовские «Анекдоты...» как литературный жанр от бытового анекдота, для которого, как показывают Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев, характерен глагольный зачин, причем глагол чаще всего употребляется в настоящем времени [10, с. 32–35]. Заметим в этой связи, что в культурном сознании традиция хармсовского анекдота получает атрибуцию через *однажды* в инициальной позиции: такова, скажем, логика стилизации под Хармса в так называемом проекте «Псевдохармс» (цикле литературных анекдотов о писателях «Веселые ребята»), где с *однажды* начинается подавляющее большинство текстов. Такое ощущение семантической связи *однажды* с идеей «нового», «не бывшего прежде» — в широком смысле «случая» — нередко тематизируется Хармсом в заглавиях: «Происшествие на улице» («Однажды один человек соскочил с трамвая, да так неудачно, что попал под автомобиль...» [7, с. 578]), «Неожиданная попойка» («Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской...» [7, с. 581]) и др.

У Хармса *однажды* в своем инициальном значении может оказываться конфликтно другому зачину — *жил-был/жил*:

Жил однажды человек по имени Федор Федорович Колпаков.

— Я, — говорил Федор Федорович Колпаков, — ничего не боюсь! Хотя в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, хоть меня огнем жги — ничего я не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь и пауков не боюсь, — ничего я не боюсь! [7, с. 564].

Эти два зачина абсолютно различны по своему нарративному значению: если *жил-был/жил*, используя онтологизирующий глагол, преддицирует картину мира, утверждает само существование кого-либо (не случайно глагол несовершенного вида употребляется здесь для обозначения континуального, длящегося времени), то *однажды*, напротив, преддицирует событие и нарративно устремлено к неkontинуальному состоянию, призвано создать ощущение единичности, «разовости» происходящего события (поэтому, например, можно «однажды умереть», но невозможно «однажды жить»). С этой точки зрения Хармс словно бы провоцирует ошибку, сталкивая эти два зачина в контактной позиции: его персонаж Федор Федорович Колпаков живет *однажды*, то есть буквально «один раз», словно усиливая и так присущую художественному миру иллюзию, что герой существует ровно столько, сколько ему отмерено текстом. Любопытным доказательством этого оказывается работа Хармса с черновиками этого рассказа, где следующий за инициальным предложением «Жил однажды человек по имени Федор Федорович Колпаков» фрагмент «И любил он говорить о том, что ничего он не бо-

ится» [7, с. 1023] был вычеркнут писателем для того, видимо, чтобы вызвать у читателя в самом начале острое ощущение нарушения в нарративном синтаксисе.

Однако в большинстве случаев Хармс, имитируя зачины, присущие фольклорным нарративам, разводит *жил-был/жил* и *однажды* по разным высказываниям, но даже в таких текстах *однажды* принимает на себя дополнительные нарративные роли. Рассмотрим один показательный пример:

Жил-был человек, звали его Кузнецов. Однажды сломалась у него табуретка. Он вышел из дома и пошел в магазин купить столярного клея, что бы склеить табуретку.

Когда Кузнецов проходил мимо недостроенного дома, с верху упал кирпич и ударил Кузнецова по голове.

Кузнецов упал, но сразу же вскочил на ноги и пощупал свою голову. На голове у Кузнецова вскочила огромная шишка.

Кузнецов погладил шишку рукой и сказал:

— Я, гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в магазин, что бы... что бы... что бы... Ах, что же это такое! Я забыл, зачем я пошел в магазин! <...>

С крыши упал четвертый кирпич, ударил Кузнецова по затылку, и на затылке у Кузнецова вскочила четвертая шишка.

— Ну и ну! — сказал Кузнецов, почесывая затылок. — Я... я... я... Кто же я? Никак я забыл, как меня зовут? Вот так история! Как же меня зовут? Василий Петухов? Нет. Николай Сапогов? Нет. Пантелей Рысаков? Нет. Ну кто же я?.. [7, с. 625—626].

При том что нарративная девиантность текста опознается далеко не сразу, можно заметить, что *однажды* инициирует событие, дальнейшее развертывание которого фактически отрицает и разрушает картину мира, созданную первым предложением. Так, читателю сообщается, что героя «звали... Кузнецов», однако *однажды* сломанная табуретка и следующие за ней события приводят к стиранию самого героя и смерти его имени — событие в хармсовском тексте разворачивается словно бы для того, чтобы в конце забыть свое начало.

Не менее интересен другой вариант зачина, в котором употребляется *однажды*:

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе во свояси.

Вот, собственно, и все [7, с. 895].

Безусловно, нарративное сочетание частицы *вот* и наречия *однажды* не может быть названо уникальным для поэтики Хармса и восходит к фольклорной (прежде всего сказочной) традиции. *Вот* в своем нарративном значении призвано выступать знаком установки на говорение, имитации устной речи; однако появление этой частицы у Хармса в инициальной позиции зачина парадоксальным образом влияет на невозможность состояться самому событию, истории. Текст в таком случае оказывается чистой нарративной ради нарратива, говорением ради говорения, причем говорением о непроизошедшем. Описываемая ситуация

не опознается как событие, несмотря на, казалось бы, подсказываемую нашим читательским опытом возможность — в тексте описывается ситуация встречи человека, который «пошел на службу», и человека, который «направлялся к себе во свояси», одним словом, героев с разными интересами. Можно предположить, что в текстах такого типа (правда, заметим, их число у Хармса относительно невелико) интродуктивный зачин *однажды* словно утрачивает свое нарративное значение — предсказывать событие, а если он и предсказывает событие, то это событие не истории, а рассказа об истории. Не случайно знаком невозможности развернуть текстовое пространство становится в таких текстах регулярная концовка «Вот, собственно, и все».

Очевидно, рассмотренный в статье материал особенно выпукло обнажает само явление «частиц нарратива», тех новых функций, которые приобретают некоторые категории слов в условиях нарративного эксперимента. Причем для изучения этого феномена больший интерес представляют не столько стандартные случаи, сколько нарративы типа прозы Д. Хармса, где нарушение лишь делает правило более очевидным.

Список литературы

1. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : [сайт]. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 29.05.2014).
2. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14 — 285.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990.
4. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
5. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981 — 1984. Т. 2.
6. *Топоров В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 193 — 258.
7. *Хармс Д.* Цирк Шардам : собр. худ. произведений. СПб., 1999.
8. *Цвигун Т.В.* «А может быть, того слова и не было...»: «а»-нарративы Д. Хармса // Балтийский филологический курьер. 2007. Вып. 6. С. 285 — 293.
9. *Цвигун Т.В.* Опять vs. снова в нарративах Д. Хармса // Поэтика хронопа: языковые механизмы и когнитивные основания. Вильнюс, 2010. С. 184 — 194.
10. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002.

Об авторе

Татьяна Валентиновна Цвигун — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.
E-mail: TTSvigun@kantiana.ru

About the author

Dr Tatyana Tsvigun, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: TTSvigun@kantiana.ru